

духовенство стояло за старые порядки, горожане—за реформу. Впервые въ ломбардской исторіи проявился этотъ антагонизмъ между духовенствомъ и горожанами, такъ какъ вѣдь именно подъ покровомъ имунитетовъ и церковной власти города нѣсколько эманципировались отъ имперской власти. Но и этотъ антагонизмъ явился несобыкновенно кстати для дальнѣйшаго развитія коммунальных вольностей: онъ освобождалъ горожанъ отъ всеобъемлющей супрематіи епископовъ во внутреннихъ дѣлахъ города. Во главѣ реформаторской партіи, носившей насмѣшливое названіе патаровъ, сталъ Ансельмъ, каноникъ церкви св. Амвросія въ Миланѣ, человекъ, представлявшій исключеніе въ своемъ сословіи. Когда Ансельмъ сдѣлался (въ 1061 г.) папою подъ именемъ Александра II, то естественно онъ сталъ оказывать еще болѣе существенную поддержку своимъ идеемысленникамъ. Смуты и раздоры между двумя партіями продолжались довольно долго; когда Гильдебрантъ (въ 1073 г.) вступилъ на папскій престолъ, онъ энергично вѣшался въ миланскія дѣла. Въ борьбѣ папы съ Генрихомъ IV миланцы и вообще ломбардскіе горожане всецѣло поддерживали папу, а ломбардскіе феодалы—Генриха, хотя послѣ униженія въ Калоссѣ и феодалы перестали его поддерживать. Той же политики горожане держались и при послѣдующей стадіи борьбы папства съ имперіей, уже послѣ смерти Григорія и Генриха. Вообще XI вѣкъ принесъ городамъ Ломбардіи, во первыхъ, сознаніе своего значенія, какъ драгоценныхъ союзниковъ любой изъ враждующихъ сторонъ, и, во вторыхъ, тенденцію къ общимъ согласнымъ дѣйствіямъ, къ единенію между отдѣльными городами. Въ 1117 году въ Ломбардіи произошло несчастіе: сорокадневное землетрясеніе произвело страшныя разрушенія въ Вероли, Кремонѣ, Миланѣ, Пармѣ, Венеціи и другихъ городахъ. Тогда архіепископъ миланскій Юрдагъ, председатель совѣта 18 консуловъ миланской общины (впервые въ 1107 году упоминается о подобномъ учрежденіи), созвалъ общій совѣтъ всѣхъ епископовъ и выборныхъ отъ ломбардскихъ городовъ. Этотъ совѣтъ имѣлъ якобы главною своею цѣлью „умиротворить Ломбардію, воскресить добродѣтели, искоренить пороки“ и тѣмъ умиловать разгнѣванное Провидѣніе, но на самомъ дѣлѣ цѣль была менѣе возвышенною: